

RU

Джунгарское ханство как потенциальный гегемон в монгольском мире: причины неудачи

Кушхов Б. Х.

Аннотация. Цель исследования - анализ причин, по которым Джунгарское ханство не смогло утвердиться в качестве лидера монгольского мира. Научная новизна статьи объясняется системным подходом, в рамках которого рассматриваются не только военно-политические, но и экономико-социальные, а также культурно-религиозные аспекты регионального лидерства. В результате становится очевидной неспособность Джунгарского ханства установить свою гегемонию в Северо-Восточной Азии как по причине несовершенной внешнеполитической стратегии, так и в силу изъянов во внутреннем устройстве, которые, в свою очередь, происходили из-за недостатка необходимых политических, экономических и культурно-религиозных ресурсов в распоряжении ханства.

EN

Dzungar Khanate as Potential Hegemon in the Mongolian World: Causes of Failure

Kushkhov B. K.

Abstract. The paper tries to explain why Dzungar Khanate did not manage to establish itself as a leader of the Mongolian world. Scientific originality of the study lies in the fact that relying on the systemic approach, the author analyzes military-political, socio-economic, cultural and religious aspects of regional leadership. The conducted analysis allows concluding that Dzungar Khanate was not capable to establish its hegemony in Northeastern Asia due to inefficient foreign policy and due to state structure imperfections caused by lack of political, economic, cultural and religious resources.

Введение

Актуальность темы исследования объясняется недостаточной степенью изученности Джунгарского ханства: в частности, его внешней политики и внутреннего политического устройства. В результате данной ситуации мировая наука неспособна в полной мере оценить действительное влияние этого ханства в монгольском мире. Исследование стремится расширить представления о Джунгарском ханстве как о потенциальной, но всё же недостаточно пригодной силе для консолидации монгольских народов.

Практическая значимость исследования обусловлена необходимостью более глубокого анализа взаимоотношений между монгольскими этносами в постимперский период: принципов и механизмов, посредством которых эти взаимоотношения осуществлялись. Также статья призвана привлечь интерес научного сообщества к феномену Джунгарского ханства, которое очень часто остаётся за рамками исследований истории Средней и Северо-Восточной Азии.

В качестве основного метода исследования используется сравнительный анализ политических, экономических и религиозных ресурсов, имевшихся у объединителей монголов XV-XVI веков, с таковыми у Джунгарского ханства. Для этого в первой части работы путём исторического анализа выделяются наиболее ключевые факторы, позволившие отдельным правителям XV-XVI веков установить свою гегемонию над монгольским миром.

Задачи: для ответа на вопрос, поставленный в данном исследовании, необходимо на основе исторического опыта выявить наиболее ценные политико-экономико-культурные инструменты и характеристики потенциального объединителя монгольских этносов в XVI-XVII веках и исследовать Джунгарское ханство на предмет обладания ими.

Теоретической и научно-исследовательской базой послужили работы Н. Я. Бичурина («Историческое обозрение Ойратов или Калмыков с XV века до настоящего времени»), И. Я. Златкина («История Джунгарского ханства»), Ш. Б. Чимитдоржиева («Национально-освободительное движение монгольского народа в XVII-XVIII вв.»),

А. М. Чернышева («Общественное и государственное развитие ойратов в XVIII в.»), Р. Ю. Почекаева («Российские путешественники о правовых отношениях в Джунгарском ханстве XVIII в.»), Р. Груссе («Империя степей. Атилла, Чингиз-хан, Тамерлан»).

Основная часть

На протяжении XV–XX веков в Северо-Восточной Азии периодически возникали центростремительные движения, проявляющиеся в различных попытках консолидации «монгольского мира» под единой властью. Идеи создания своего “*Pax Mongolica*” прослеживались и во второй половине XIII века, когда Хубилай, будучи императором династии Юань, объявил себя Великим ханом всех монголов, и в XV–XVII веках, когда такие правители, как Даян-хан и его потомок Лигдэн-хан, призывали всех монгольских правителей «встать под их знамёна». Не меньшего успеха на пути к возвышению над остальными монголами достигали и ойратский Эсен-Тайши в XV веке, и Алтан-хан Тумэтский в XVI веке. Все эти попытки, хотя и в разной степени, ориентировались на исторический феномен Монгольской империи – государственного образования мирового масштаба, в рамках которого было достигнуто не только политическое единство кочевников Евразии (в число которых входят монголы), но и оформлено их политическое господство над многими оседлыми народами. Если говорить о XVII веке, то наиболее ярко выраженным претендентом на роль регионального гегемона являлось Джунгарское ханство – крупнейшая военная и политическая сила среди всех кочевых политических образований.

Для выделения наиболее важных инструментов и характеристик, необходимых для успешного объединения монгольского мира в XVII веке, следует обратиться к историческому опыту наиболее влиятельных и авторитетных его представителей, минимально удаленных с точки зрения хронологии от рассматриваемой эпохи – ойратского правителя Эсен-тайши (XV век) и Алтан-хана Тумэтского (XVI век). Именно при кратком анализе их внешней политики можно обнаружить наиболее важные компоненты монгольского цивилизационного лидерства.

Основными инструментами консолидации монголоязычных народов при Эсен-тайши и Алтан-хане являлись, помимо военной силы, религиозное влияние, политический авторитет, а также привлекательные торгово-экономические предложения, способные заинтересовать окружающие кочевые этносы.

Буддизм оправданно рассматривался ими в качестве консолидирующего фактора, способного объединить разобщенных монголов. Так, Алтан-хан, осознавая важность отказа от языческих верований ради формирования централизованной государственной модели, занимался активной постройкой буддистских монастырей, устанавливал контакты с лидерами борющихся в Тибете буддистских школ и даже стал фактическим создателем титула Далай-Ламы, оформив с главой школы гелуг отношения «наставника» и «милостынедателя», в рамках которых он провозглашался покровителем буддизма.

Политический авторитет потенциального объединителя состоит из нескольких составляющих: из родословной правителя, его титула, а также из эффективной системы легитимации его власти. Алтан-хан являлся прямым потомком Чингисхана по линии Толуя, а значит, мог называть себя представителем династии Северная Юань и выстраивать систему легитимации своей власти на основе ее преемственности империи Чингисхана и правившей в XIII–XIV веках династии Юань. Получить титул хана можно было посредством признания таковым со стороны крупных политических сил. После ряда опустошительных походов в Китай Алтан-хан вынуждает Мин наделить его титулом Великого хана [10]. Весьма значительным успехом на пути к лидерству в монгольском мире было получение Эсеном ханской печати – традиционного символа власти, восходящего к временам расцвета монгольской династии Юань [26, с. 26]. Его поход на Китай 1449 года, завершившийся пленением императора Мин, во многом был нацелен на признание могущества ойратского правителя Китайской империей [4; 13, с. 43]. Фактически подобное обретение титула «со стороны» наделяло его получателя огромным авторитетом среди остальных кочевников.

Экономический фактор – неоспоримый базис любого государства. Для «оригинальной» монгольской империи Чингисхана подобным базисом была перспектива материального обогащения за счет зависимых народов и континентальной торговли [27, с. 99]. В условиях кочевой цивилизации и относительного упадка континентальной торговли в XVI–XVII веках данное направление было сведено к установлению преференциальных торговых отношений с внешними державами, из которых наиболее крупным торговым партнером был Китай. Во времена Эсен-тайши многие преференции со стороны Мин давались ойратам с целью ослабить представителей претендующей на имперский престол Северной Юань [10]. Установление контроля над важнейшими торговыми путями в регионе являлось важным направлением политики Эсен-тайши: стоит вспомнить поход правителя ойратов на торговый город Хами [26, с. 23]. Алтан-хан также выстраивал торговые отношения с Мин, добываясь военными акциями и торговых преференций, и обязательства принимать от монголов определенное количество лошадей за определенную плату [4].

Таковыми были три важнейшие характеристики потенциального лидера в монгольском мире образца XV–XVI веков. Спустя столетие, во время бурного развития Джунгарского Ханства, они сохраняли свою актуальность. Вторым этапом исследования является анализ Джунгарского ханства на предмет его соответствия этим характеристикам.

В исторической перспективе Джунгария была весьма вероятным лидером монгольского мира образца XVII века. Она обладала выдающимся военным ресурсом – Джунгария оказалась единственным кочевым образованием в регионе, способным вести затяжные войны с огромным Китаем [27, с. 80]. Авторитет ее правителей

в буддистском мире также достоин уважения и внимания – многие представители правящей семьи Чорос если и не были буддистскими иерархами, как Галдан-Бошогту [6], то зачастую имели высокие титулы, пожалованные Далай-Ламой. Так почему же подобная политическая и религиозная сила оказалась неспособной возглавить центростремительные процессы среди монгольских этносов?

Прежде всего Джунгарии в объединительном процессе не хватало эффективных институтов легитимации своей власти над другими монгольскими племенами. Дело в том, что семья Чорос – правящий клан Джунгарии – не относилась ни к потомкам Чингисхана, ни к самому роду Борджигин [10, с. 151]. Это усложняло их взаимоотношения с крупнейшими князьями Халхи – Сэцэн, Засагт и Тушээт, а также с влиятельными чахарскими ханами вроде Лигдэна, за которым в то время все еще сохранялся титул «великого хана». В качестве иллюстрации подобного восприятия правителей, не являвшихся потомками Чингисхана, можно привести отрывок из «Алтан тобчи», в котором повествуется о предложении хорчинского правителя Унэбалада в адрес Сайн-хатун: «Если пойдешь за потомка Хасара, поведешь ты себя по плохому пути. Если пойдешь за потомка хагана (Чингисхана), под защитой Неба-владыки ты будешь, править станешь всем своим народом» [2, с. 178]. Таким образом, выходцы из «золотого рода», во-первых, считали себя выше ойратских правителей по происхождению, а во-вторых, видели общность скорее между собой, чем с ойратами. В итоге признание с их стороны верховенства джунгарского хана представлялось маловероятным, хотя и теоретически возможным при некоторых обстоятельствах – в конце концов, происхождение не помешало маньчжурскому хану получить признание от южных монголов в качестве «великого хана» в 1631 году. Во-вторых, джунгарские правители имели менее высокие титулы, нежели правители из числа потомков Чингисхана. Лишь Галдан удостоился титула хана в 1679 году [27, с. 38]; остальные же правители клана Чорос имели более низкие титулы – такие как хунтайджи или тайши. Это различие было связано с установлением относительно мирных и стабильных отношений между Цин и князьями Чахара и Халхи. Получалось, что для Цин стало куда более удобным признавать именно их, в частности чахарского хана, в качестве наиболее авторитетного правителя монгольского мира. Для зависимой от китайских политических и экономических институтов модели монгольского лидерства это было крайне важным условием, которому не соответствовали Джунгария и ее правители. Обретение же ханского титула путем наречения себя таковым, как это было с Эсен-тайши в 1454 году [26, с. 25], не привело к росту его авторитета: «Великим ханом Юань» Эсена не признал никто из восточных монголов, а сам он пал от рук других ойратских вождей, которые, очевидно, тоже не признали его таковым.

Религиозное влияние Джунгарии представляется более значительным, чем политическое. Оно прослеживается и в политике Галдана-Бошогту, объявившего войну Халхе по причине ее неуважения в адрес посланника Далай-Ламы [12, с. 45; 27, с. 47], надеясь придать своей борьбе с князьями Халхи религиозный характер и определяя ее как карательный поход на усомнившихся в авторитете Далай-Ламы халхасцев. Всемерное покровительство школе гелуг можно увидеть и в действиях его племянника – Цэвээн-Рабдана, организовавшего поход в Тибет с целью свержения укрепившегося там Лхавсан-хана из рода Хошоут и продвижения «истинной» кандидатуры на титул нового Далай-Ламы взамен «несостоявшегося» Далай-Ламы Шестого [3, с. 8].

Однако имевшийся религиозный «рычаг» джунгарского воздействия на другие монгольские племена так и не мог обеспечить Джунгарии ведущие позиции в буддистском мире. Во-первых, система религиозных институтов в той же Халхе в середине XVII века претерпела некоторые изменения. В ней с 1639 года обозначился «сублидер» регионального характера в лице «многими возведенного» Богдо-Гэгэна – сына Тушээт-хана [1, с. 124; 27, с. 32]. Для халхасцев он был как выходцем из рода Чингисхана (будучи сыном Тушээт-хана), так и ответом Халхи на провозглашение маньчжурского хана Абахая ханом всех монголов на съезде южномонгольских князей [24, с. 23]. Таким образом, некоторое обособление буддистской системы в Халхе [27, с. 40] ограничивало религиозное влияние джунгар на восточных монголов.

Не получилось у джунгарских правителей и окончательно утвердиться в Тибете. Свергнув Лхавсан-хана – потомка Гуши-хана, установившего свой протекторат над Тибетом, они не смогли надолго обосноваться в Лхасе, не сумев расположить к себе иерархов крупнейших и наиболее влиятельных тибетских монастырей. В итоге джунгары были изгнаны из Тибета уже в 1720 году – спустя три года после свержения Лхавсан-хана из семьи Хошоут [12, с. 48]. Выбор Тибета в пользу отношений с Империей Цин был связан с тем, что тибетские духовные и светские лидеры на момент вторжения Цэвээн-Рабдана видели будущим властителем монгольского мира уже императора Цин, а не джунгарских правителей. Более того, они помнили опыт взаимодействия с тем же Гуши-ханом, который, хотя и сделал главу школы гелуг фактическим правителем Тибета [9], сам оказывал довольно серьезное влияние на его внутри- и внешнеполитическую линию [16, с. 167] (в 1642 году Гуши-хан установил свой протекторат над Тибетом) [3, с. 5]. В результате Джунгария не смогла стать покровителем «желтой религии» в монгольском мире – достичь одного из самых важных условий консолидации монгольского этноса.

Помимо этого, джунгары не обладали и очевидными торгово-экономическими преимуществами над остальными кочевниками, которые могли бы расположить последних к Джунгарскому ханству. В условиях китайско-джунгарской конфронтации в Халхе, Тибете, на Кукуноре, а также ряда ойрато-китайских военных столкновений [9] Джунгарскому ханству было довольно сложно получить торговые преференции на китайском рынке, которые усилили бы экономический базис их общемонгольского лидерства. Таким образом, торговая политика Цин в адрес Джунгарии существенно ослабила ее экономический потенциал – важный компонент потенциального общемонгольского лидерства. Компенсировать торгово-экономические сложности

джунгарские правители пытались путем организации своей собственной даннической системы. Так, к первой половине XVIII в. зависимость от джунгарских хунтайджи признавали правители Восточного Туркестана, среднеазиатских городов-государств, таких как Ташкент, казахские ханы и султаны Старшего и Среднего жузов [18, с. 30; 27, с. 80]. Однако поступления от зависимых территорий не могли выглядеть как выгодное предложение, которое джунгарские лидеры могли бы сделать остальным монголоязычным этносам. Ведь один только китайский рынок – фактически 40% всего мирового рынка на то время – своей выгодностью перевешивал все альтернативные ему даннические модели. Компенсировать ограниченность торговли с Китаем вследствие, к примеру, указа Цин 1685 года [6] не могла и джунгаро-российская торговля в силу малочисленности русского населения в Сибири [26, с. 50]. Другим направлением экономического обеспечения Джунгарской империи было создание оседлых земледельческих поселений, строительство шахт по добыче железа, золота и меди, развитие соляных промыслов и различных ремесел [8, с. 652; 26, с. 69; 27, с. 92]. Особую активность подобная практика имела в Джунгарии при Батуре хунтайджи и Галдан-Цэрэне [11, с. 218], и, надо сказать, она сделала возможным перевооружение джунгарской армии до весьма высокого уровня [7, с. 67]: джунгарские ремесленники на рубеже XVII-XVIII веков самостоятельно изготавливали ружья и боеприпасы для них [27, с. 92]. Также на рубеже XVII-XVIII веков в Джунгарии имелись и медные мастерские, и свинцовые копи, и железодельные производства [26, с. 69], было развито производство культовых изделий, доходы от которого также пополняли ханскую казну [Там же, с. 70]. Но и этими инициативами было весьма сложно заинтересовать Халху, Чахар или Ордос, которые имели доступ к китайскому рынку, на котором они могли приобретать для себя все существующие в Азии товары в обмен на свою традиционную продукцию пастбищного скотоводства [Там же, с. 81]. Получается, что у Джунгарии также не существовало и привлекательных экономических предложений для остальных монголов, способных привести последних под джунгарские знамена ради более богатой и достаточной жизни.

Отдельным препятствием на пути к установлению джунгарской гегемонии в монгольском мире являлось и несовершенство внутривластной организации ханства, а именно отсутствие устоявшихся механизмов передачи власти и стабильных политических иерархий внутри государства. За одно столетие – с середины XVII по середину XVIII века в истории Джунгарского ханства можно обнаружить сразу несколько моделей передачи власти. Среди них есть и принцип, напоминающий «лестничное право», которое господствовало на Руси в домонгольский период – так, Галдан Бошогту стал правителем Джунгарии после смерти своего брата Сэнгэ как старший из сыновей Батура-Хунтайджи (то есть как старший в роду) [22, с. 12], разгромив своих сводных братьев, оспаривавших престол [6]. Второй принцип заключался в передаче власти от отца к старшему сыну: в качестве примера можно привести Цэвээн-Рабдана [27, с. 49], который заявил свои права на джунгарский престол, будучи сыном Сэнгэ [9]. В дальнейшем второй вариант передачи власти прослеживается чаще первого, но и он реализовывался посредством междоусобной борьбы сыновей умершего правителя, на стороне которых выступали лояльные им крупные феодалы [27, с. 101]. Подобные междоусобицы наблюдались, к примеру, после смерти Галдан-Цэрэна [7, № 4; 20, с. 123], когда слабого наследника быстро оттеснили более влиятельные конкуренты из его же рода [24, с. 23]. Имелись и случаи междоусобной борьбы между четырьмя крупными родами Джунгарии: Чорос, Дорбот, Торхут и Хошоут [10]. Таким образом, единого механизма передачи власти в Джунгарии не существовало. В Джунгарии была сделана ставка на развитие своего собственного законодательства, в котором не существовало такого института, как «Степной парламент» – курултай кочевой аристократии и правящей семьи, на собраниях которого можно было бы утверждать нового правителя. Теоретически практика созывов «степного парламента» могла бы усовершенствовать процедуру передачи власти у джунгар.

Несмотря на отсутствие единого механизма передачи власти, потенциально полезным для процесса консолидации монголов Джунгарией являлся опыт существования сразу четырех отдельных племен в рамках единой государственной модели ханства [26, с. 54]. Однако его было сложно использовать в условиях регулярных междоусобиц в семье Чорос, а также при преобладании феодальных, а не племенных образований в Халхе и южной Монголии.

Другим показателем политической слабости ханства являлось преобладание в нем клановых отношений. Джунгарские ханы стремились образовать в ханстве систему государственных отношений и разорвать родовые связи в системе управления племенами [Там же, с. 62]. Ими была выработана двойная система управления: племенная, посредством создания «анги», и территориальная, заключающаяся в формировании на территории ханства «отоков». Тем не менее государственный аппарат был тесно связан с общественным устройством племен. В результате племенная аристократия могла выступать против центра, что прослеживалось еще на начальном этапе развития ханства. К примеру, глава племени торгоутов не захотел подчиниться власти лидера из племени Чорос и поэтому откочевал на Волгу [Там же, с. 77]. Фактически Джунгарии на пути объединения монголов мешала и присущая кочевникам того времени слабая заинтересованность в долгосрочном вхождении в крупные государственные объединения. Они непременно лишали бы их свободы беспрепятственно перемещаться в поисках более выгодных стоянок, заставляли бы их нести повинности в пользу центра, взамен предлагая разве что защиту от крупных внешних сил, опасность которых для кочевников того времени не была ключевым вопросом выживания: им было куда проще, чем оседлым народам, переместиться подальше от крупной угрозы, да и войны того времени чаще всего велись между примерно сопоставимыми по размерам кочевыми группами. Таким образом, кочевникам образца XVII-XVIII веков было куда выгоднее сохранять свою самостоятельность, прибегая к участию только во временных объединениях,

не предполагающих взаимной интеграции. В подобных условиях отношения в рамках нового политического образования, которое объединило бы большую часть монгольского мира под властью джунгар, могли бы строиться только на клятвенной или договорной основе между племенами или феодалами различной величины, что являлось бы скорее хрупким союзом различных по своему устройству образований, нежели новым, единым государством.

Для пояснения данного тезиса необходимо обратиться к Уложению халхасских и ойратских правителей – «Их Цааз», принятому в 1640-м году [15, с. 34; 21, с. 16]. Его суть заключалась в формировании оборонительного союза монголов и кодификации их взаимоотношений [11, с. 173]. То есть собравшиеся по джунгарской инициативе халхасские феодалы не были готовы терять свои привилегии ради формирования более крупного государства, договорившись с джунгарами лишь о взаимной защите [21, с. 16]. Таким образом, даже при преодолении всех существовавших между ойратами и халхами противоречий они рассматривали Монголию хотя и в качестве единого этнического пространства, однако политически они видели ее в качестве системы отдельных и равных феодальных образований различного размера, в которой Джунгария выделялась разве что своим военным потенциалом [19, с. 23]. В данном историческом событии показательным и следующее: съезд 1640 года, хотя и состоялся по инициативе джунгарского Батур-хунтайджи, был проведен на земле хошоутских ханов, являвшихся потомками младшего брата Чингисхана – Хасара [6]: халхасские ханы считали ниже своего достоинства приезжать на подобный съезд на территорию джунгарского хунтайджи [21, с. 16].

Рассмотренные выше изъяны в политическом устройстве Джунгарского ханства делали его неспособным полностью инкорпорировать в свой состав малые племенные образования. К примеру, Алтан-хан Урянхайский, хотя и состоял под зависимостью джунгарского владыки, мог самостоятельно вести переговоры с Россией и даже принять российское подданство [6]. Русские первопроходцы в регионе также отмечали отсутствие каких-либо политико-экономических связей между формально зависимыми от Джунгарии народностями Южной Сибири [5]. Свидетельством слабой регламентации отношений между джунгарским владыкой и его вассалами служит практика ухода последних на территорию других государств вместе со своим имуществом в случае разногласий с «центром». В качестве иллюстрации можно привести факты перехода дербетских феодалов Сарала, Цэрэна, Цэрэнуваша и Цэрэнмунха на территорию Цинской империи в 1750-1753 годы [27, с. 104-105]. В рамках такой системы, во-первых, формировалось множество замкнутых и мало зависимых друг от друга территориальных единиц, что приводило к неминемому росту влияния местной племенной аристократии или родственников хунтайджи, а во-вторых, регулярно происходил разрыв клятвенных связей, имевших не межродовой, а межличностный характер, в связи со смертью правителя. Эти две характеристики внутреннего порядка в Джунгарии, помноженные на отсутствие единой процедуры престолонаследия и фактическое отсутствие служилого сословия, неминемому приводили к огромному количеству междоусобиц в стране [23, с. 17], а вместе с ними – и к регулярному обнулению ее внешнеполитических планов и статусов.

Немаловажным препятствием джунгарскому стремлению объединить под своей властью всех монголов являлось и прямое столкновение интересов с цинским Китаем. Для маньчжуров основной задачей монгольского вектора политики являлось сначала обеспечение поддержки южных монголов в завоевательном походе в Китай, а позже – недопущение консолидации монгольского мира как внутримонгольскими, так и внешними силами. Естественно, столкновение интересов Джунгарии с исторически крупнейшей силой во всей Азии и неспособность достижения какого-либо компромисса между ними служили существенным фактором сдерживания рассматриваемых в данном исследовании западномонгольских инициатив.

Следовательно, в условиях отсутствия ресурсов, необходимых для консолидации монголов под своими знаменами, джунгары могли бы достичь своих целей только силовым методом – уничтожением всех независимых от Джунгарии монгольских князей или их интеграцией в свою вассальную систему. Угроза подобного развития исторических событий и привела халхасских и южномонгольских правителей в стан императора Цин, который был способен сохранить за ними существовавшие привилегии. Маньчжурские завоеватели, установив контроль над Китаем, восприняли политико-культурные достижения покоренной ими китайской цивилизации, в том числе и систему передачи власти, которая обеспечила стабильное существование основанной ими династии Цин. Для южных и восточных монголов установление вассальных отношений с такой стабильной и долговечной политической силой представлялось более выгодным, нежели с Джунгарией, правители которой динамично сменяли друг друга в череде междоусобиц, не стремясь соблюдать взятые своими предшественниками внешнеполитические обязательства.

Заключение

Основной итог исследования заключается в следующем. На основании выявленных и исследованных в данной работе причин делается вывод о неспособности Джунгарского ханства образца XVII-XVIII веков стать региональным гегемоном. Таких причин было выделено пять.

1. Правители Джунгарии не были чингисидами, что в силу особенностей внутримонгольских взаимоотношений затрудняло их политическое возвышение над остальными монгольскими ханами.
2. Правители Джунгарии практически никогда не получали ханских титулов, что также являлось препятствием для их успешной легитимации в качестве лидеров монгольского мира.
3. Несмотря на успешность религиозной политики отдельных правителей, Джунгарское ханство не имело прямого религиозного влияния на юге и востоке Монголии, так как там стали образовываться свои

автономные религиозные институты. Потеря влияния в Тибете в первой четверти XVIII века также не способствовала становлению Джунгарии в качестве регионального гегемона.

4. Непрерывные джунгаро-цинские противоречия привели к ограниченности доступа Джунгарии к крупнейшему рынку региона, что лишило ханство выгодной экономической альтернативы для привлечения в свою империю других монгольских племен.

5. Отсутствие устоявшихся механизмов передачи власти и устойчивых политических иерархий внутри государства сделало ханство недостаточно стабильным и долговечным политическим образованием, неспособным реализовывать долгосрочные внешнеполитические планы вроде консолидации монгольского мира.

Перспективы дальнейших исследований напрямую зависят от процесса поиска и перевода на современные языки ойратских и халхасских исторических памятников литературы. Не исключено, что дальнейшая работа исторического сообщества в этом направлении существенно расширит и углубит современное представление о действительном региональном потенциале Джунгарского ханства – последней кочевой империи в истории.

Источники | References

1. Абаева Л. Л. Институт перерожденцев (хубилганов) в буддийской традиции монгольских народов // *Власть*. 2016. № 11. С. 122-126.
2. Базаров Б. В., Хишигжаргал Г. Распад Монгольской империи и формирование династии Цин (XVII-XVIII вв.) // *Власть*. 2016. № 9. С. 178-184.
3. Бакаева Э. П. Ойраты и Тибет в XVII-XVIII вв.: об освещении некоторых событий, связанных с хошутами и джунгарами, в тибетской и российской историографии // *Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН*. 2016. № 5. С. 3-14.
4. Бичурин Н. Я. Историческое обозрение Ойратов или Калмыков с XV века до настоящего времени [Электронный ресурс] // *Журнал Министерства внутренних дел*. 1833. № 3. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/Bicurin/Oirat_2/text1.phtml (дата обращения: 11.08.2021).
5. Бичурин Н. Я. Историческое обозрение Ойратов или Калмыков с XV века до настоящего времени [Электронный ресурс] // *Журнал Министерства внутренних дел*. 1833. № 4. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/Bicurin/Oirat_2/frametext2.htm (дата обращения: 11.08.2021).
6. Бичурин Н. Я. Историческое обозрение Ойратов или Калмыков с XV века до настоящего времени [Электронный ресурс] // *Журнал Министерства внутренних дел*. 1833. № 5. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/Bicurin/Oirat_2/frametext3.htm (дата обращения: 11.08.2021).
7. Бобров Л. А. Джунгарское ханство - последняя кочевая империя // *Наука из первых рук*. 2007. № 1 (13). С. 61-69.
8. Болдырева О. Н., Ся Ван. Анализ взаимоотношений китайского императора Канси и джунгарского хана Галдана во время джунгаро-китайской войны 1690-1697 годов // *Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология»*. 2019. № 4. С. 650-655.
9. Браггон-Шабдун-Гончок-Дамба-Рабджая. Дэбтэр-чжамцо [Электронный ресурс]. URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus15/Tibet/Debter_Djamco/vved.phtml?id=10641 (дата обращения: 11.08.2021).
10. Груссе Р. Империя степей. Аттила, Чингиз-хан, Тамерлан [Электронный ресурс]. URL: https://www.litmir.me/br/?b=179045&pr=146#section_162 (дата обращения: 11.08.2021).
11. Златкин И. Я. История Джунгарского ханства (1635-1758). Изд-е 2-е. М.: Наука, 1983. 333 с.
12. Китинов Б. У., Цян Лю. Религия в ойратской политике династии Цин // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Всеобщая история»*. 2019. № 1. С. 44-55.
13. Кукеев Д. Г. Военный талант Эсэна как полководца // *Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН*. 2010. № 1. С. 40-46.
14. Лубсан Данзан. Алтан Тобчи / пер. Н. П. Шастиной. М.: Наука, 1973. 439 с.
15. Нацагдорж Ш. Халхын туух (История Халхи). Улан-Батор, 1963. 173 с.
16. Пагсам-джонсан: история и хронология Тибета / пер. с тиб. Р. Е. Пубаева. Новосибирск: Наука, 1991. 264 с.
17. Пастухов А. М. Ойратская политика Цяньлуна // *Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН*. 2009. № 2. С. 19-29.
18. Почекаев Р. Ю. Российские путешественники о правовых отношениях в Джунгарском ханстве XVIII в. // *Oriental Studies*. 2019. № 1. С. 28-40.
19. Почекаев Р. Ю. Сведения российских дипломатов XVII в. о монгольском праве // *Mongolica*. 2018. Т. 20. С. 21-29.
20. Русско-джунгарские отношения (конец XVII - 60-е гг. XVIII в.). Документы и извлечения / сост. В. А. Моисеев, И. А. Ноздрина, Р. А. Кушнерик. Барнаул: Азбука, 2006. 360 с.
21. Санчилов В. П. Историческое значение Джунгарского съезда монгольских и ойратских князей 1640 г. // *Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН*. 2009. № 2. С. 15-19.
22. Санчилов В. П. Новый источник на «Ясном письме» по истории Джунгарского ханства (1635-1758) // *Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН*. 2014. № 2. С. 8-15.
23. Уметбаев Т. Ш., Тодикова М. А. Галдан-Церен и Россия: 1730-1740-е гг. // *The Newman in Foreign Policy*. 2020. № 56 (100). С. 17-22.
24. Хишигжаргал Г. Исторические условия потери независимости Монголии в XVII-XVIII вв. // *Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН*. 2015. № 2. С. 17-24.

25. Хишигжаргал Г. О судьбах монгольского мира: по указам императоров династии Цин (1640-1728 гг.) // Вестник Бурятского государственного университета. 2012. № 8. С. 233-236.
26. Чернышев А. И. Общественное и государственное развитие ойратов в XVIII в. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1990. 136 с.
27. Чимитдоржиев Ш. Б. Национально-освободительное движение монгольского народа в XVII-XVIII вв. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2002. 218 с.

Информация об авторах | Author information

Кушхов Борис Хабижевич¹

¹ Институт востоковедения Российской академии наук, г. Москва

Kushkhov Boris Khabizhevich¹

¹ Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow

¹ boris.kushkhov@yandex.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 27.06.2021; опубликовано (published): 15.09.2021.

Ключевые слова (keywords): Джунгарское ханство; Далай-Лама; династия Цин; Халха; консолидация; Dzungar Khanate; Dalai Lama; Qing dynasty; Khalkha; consolidation.